

— Что ты сказала?

Мать Лу не поверила своим ушам.

В главной комнате братья Лу и их жены, уже собиравшиеся расходиться после ужина, замерли на месте. Десятки глаз устремились на Юнь Чэ.

А невестка-то у пятого брата с характером!

Мало того что съела двойную порцию, так еще и про собственного мужа забыла.

— Простите, я не нарочно. Совсем забыла, что уже замужем...

Юнь Чэ, стоявший в дверях, выглядел крайне робким и беззащитным.

Несколько шумных детей прыснули со смеху, а самые смелые даже подбежали ближе с вопросом: не слишком ли давно тетушка не ела мяса?

Юнь Чэ мысленно усмехнулся: спасибо, в прошлой жизни я наелся досыта.

Да и мясо это было настолько невкусным, что есть его не хотелось вовсе.

— Хватит! Пятая только вошла в дом. Разве вы, когда выходили замуж, не попадали впросак? Нечего над ней смеяться. Старуха, иди принеси чего-нибудь для Пятого, он все еще болен, не должен оставаться голодным.

Старик Лу постучал курительной трубкой по ножке стола, закрывая тему.

Мать Лу фыркнула, пошла в свою комнату и вернулась с мешочком. Вслед за ней потянулись завистливые взгляды.

— Подойди сюда, готовь ты.

Мать Лу приняла вид строгой свекрови, отдавая распоряжения новой невестке. Юнь Чэ послушно отозвался и поспешил за ней.

Ситуация вынуждала подчиниться.

За весь день он так и не смог до конца разобраться, что это за место — воспоминания прежнего владельца тела были скудными. Знал лишь, что в этих горах девять деревень и восемнадцать

застав, а застава семьи Лу считается довольно влиятельной, да и живут здесь люди, по сути, наполовину крестьяне, наполовину разбойники.

— Замеси тесто. Лапшу-то сделать сумеешь?

Мать Лу лишь бросила взгляд на других невесток, и те со знанием дела вынесли из кухни разделочную доску и установили ее во дворе.

Свекровь удовлетворенно опустила мешочек и посмотрела на новую невестку с пристрастием.

— Э-э... сумею!

Юнь Чэ имел самое общее представление о готовке, а замесить тесто для него казалось делом нехитрым, поэтому он ответил твердо и уверенно.

— Ну, иди бери таз, меси тесто, сваришь Пятому миску лапши.

Мать Лу наконец сменила гнев на милость.

Юнь Чэ тут же принялся за дело: принес таз, воду и, не жалея муки, зачерпнул из мешочка целый ковш.

— Стой! Ты что, на всю семью сразу готовишь?

В слабом свете двора лицо матери Лу исказилось от изумления.

Из такого количества муки получится лапши на трех-четырех взрослых мужиков. Неужели эта невестка решила прибрать еду к рукам?

Она что, еще не наелась? Что за чудо к ним в дом попало?

— Эм... дома я всегда столько делала, никогда не готовила на одного, вот и не знаю меры. Может, вы научите меня?

Юнь Чэ тут же нашелся, что ответить. Мать Лу подозрительно выгребла из ковша пару пригоршней муки, показывая, что этого достаточно.

Юнь Чэ осторожно добавил воды, вымесил комок размером с кулак, довольно неуклюже раскатал его в пласт и, взяв старый нож, нарезал полосками.

Надо сказать, для первого раза вышло вполне сносно.

— Ну, сойдет. Только медленно. Иди в дом, разводи огонь.

Убедившись в сноровке невестки, мать Лу немного изменила свое мнение. В конце концов, после сбора урожая семья будет делиться, и если жена Пятого ничего не умеет, как им жить дальше? Сможет ли Пятый в будущем поесть горячего, теперь зависело только от нее.

Юнь Чэ, прикрывая кастрюлю крышкой, высыпал лапшу в кипящую воду. На кухне было совсем темно, лишь огонь в печи освещал пространство.

Вскоре миска горячей лапши с кусочками баранины, овощами и яйцом была готова. Несмотря на то что дети смотрели на еду с вождением, мать Лу твердо убрала остатки бараньей ноги подальше. Это было предназначено для восстановления сил Пятого.

Юнь Чэ научился игнорировать голодных детей. В этом доме каждая порция еды выдавалась с позволения главы семьи, так что лишнего он дать не мог.

Вернувшись в свою комнату, Юнь Чэ задумался: как же его покормить? В такой темноте он еще случайно попадет ему в нос...

Раньше братья по очереди помогали Лу Мину с едой, но теперь, когда появилась жена, братьям приходиться стало неудобно, а невесткам и подавно следовало держаться в стороне.

К счастью, мать Лу, спрятав мясо, пришла на помощь. Вместе они приподняли Лу Мина, и ужин, наконец, прошел успешно.

— На сегодня хватит. Завтра нагрей воды, помойся и приведи себя в порядок в комнате. Твои девери — мужчины, им ухаживать за Пятым неудобно. Постарайся быть внимательнее. Лекарь сказал, что он поправится, если хорошо за ним следить. Когда он встанет на ноги, я отдам тебе его награду. Эти деньги он заработал, рискуя жизнью, семья не станет наживаться на вас двоих.

В отличие от пустых обещаний перед ужином, когда она сулила ему детей и опору в лице мужа, теперь мать Лу пообещала те самые деньги, которые Лу Мин получил в качестве отступного за службу. Все знали, что он выпил отравленное вино вместо знатной особы, за что его и отправили домой, и знали, что он получил щедрую выплату. Официально говорили о двухстах лянх, но все понимали, что сумма была другой. Впрочем, для деревенских жителей это все равно были огромные деньги.

— Хотя часть денег ушла на лечение и еду для Пятого, остатка хватит вам на несколько лет...

Мать Лу продолжала ворчать, утешая невестку и рисуя картины светлого будущего: мол,

работай усердно, ухаживай за мужем, и жизнь наладится.

Юнь Чэ едва сдерживал зевок.

— ...В общем, на этом и порешим. Отдыхайте, завтра утром познакомлю тебя с остальными домашними.

Наставив невестку на путь истинный, мать Лу ушла, забрав миску.

Юнь Чэ остался в комнате, чувствуя, как затекло тело. Но вскоре он успокоился: семье Лу нужен был сиделка для больного, и он вполне мог справиться с этой задачей. В конце концов, он сам когда-то лежал прикованным к постели, и за ним ухаживали — опыт имелся. Если он покажет себя с лучшей стороны, даже если они узнают, что он мужчина, вряд ли станут его убивать. Если его убрать, кто тогда будет ухаживать за Пятым?

Поняв это благодаря словам сварливой свекрови, Юнь Чэ приободрился. Он в потемках вышел во двор, чтобы прополоскать рот, и принес миску воды своему соседу по кровати.

Старшая невестка, следившая за новой женой, вздрогнула и прижала руку к груди. Она уж было подумала, что та в темноте решила утопиться в колодце...

Топиться в колодце Юнь Чэ не собирался — смелости не хватило бы. Колодец — это вотчина женских призраков, а если из него вытащат мужчину, жители заставы Лу в ужасе разбегутся. И кем он тогда станет — призраком-мужчиной или призраком-женщиной?

Умывшись, Юнь Чэ на цыпочках забрался на кровать. Прическа ужасно мешала, но разобрать ее он не рискнул — боялся, что завтра не сможет заплести снова. Пришлось лечь так, не забыв укрыть соседа одеялом.

— Если захочешь пить или в туалет, зови меня, — прошептал он.

Лу Мин тихо отозвался, чувствуя, как уши заливают краской.

Если не считать некоторой бестолковости, его жена оказалась вполне неплохой. Ему хотелось сказать что-то теплое, но молодость и природная застенчивость не позволили открыть рот.

В комнате снова воцарилась тишина. Но снаружи, под аккомпанемент отдаленного грома, зашумел мелкий дождь, и в других комнатах дома Лу зазвучал приглушенный шепот.